

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы слышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Всё бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

1907–1910

MAMI

Kroz Straussov valcer stari neki
začuli smo zov tvoj tih i blag,
od tad su nam živi svi daleki
i žurni hod sata nam je drag.

Kao i ti smiraj pozdravljamo,
blizina nas kraja opila,
te večeri bogatstvo si samo
u srca nam ti usadila.

Nad snovima dječjim ti si bdjela
(samo mjesec zna ih ko i ti!),
male svoje od sveg zla si htjela
u životu gorkom čuvati.

Tuga nam je bliska od malena,
smijeha malo, beskućnici svud...
Zaplovismo usred nevremena,
brod nam vjetri nose kojekud!

Djetinjstva već blijed je otok plavi,
na palubi same mi smo sad.
U baštinu, mama, ti ostavi
djeci svojoj samo bol i jad.

1907–1910.

ВСТРЕЧА

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной –
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?

1907– 1910

SUSRET

Večeras cijeli grad je zadimljen,
čuje se klopot pokornih vagona,
kroz prozor gleda krhka anemona,
lik poludječji promaknu mi njen.

Uvojci njeni – kruna sred perona,
na licu sjena... Ja priguših glas,
jer plač naš može, shvatih u taj čas,
probudit mrtve, spokojne ko ona.

Tu djevojku uz tamni prozor znam
– iz raja lik u vrevi kolodvora –
već sretasmo se u dolini sna.

Al' otkud tuga toga nježnog stvora?
Što tražila je u taj kasni sat?
Zar sreću joj ni nebo neće dat?

1907–1910.

В ПАРИЖЕ

Дома до звёзд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Всё та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909, Париж

U PARIZU

Kuće do zvijezda, a nebo blizu
ko dim nad zemljom sumornom.
U vedrom, velikom Parizu
još skrivam bol u srcu svom.

Večernja buka bulevara,
sutona zadnji proplamsaj.
Posvuda samo par do para,
usana drhtaj, oka sjaj.

Sama sam. Glavi naslonjenoj
na kesten lakši taj je jad.
Kao u Moskvi ostavljenoj
Rostandov plače stih i sad.

Tuđ je i sjetan Pariz noću,
srcu je draži nespokoj!
Ja tugu ljubičica hoću
i znani portret i dom svoj.

Nečiji pogled vidim bratski,
na zidu profil prenježan.
Rostand i mučenik Reichstadtski
i Sara – dođu mi u san!

U vedrom, velikom Parizu
ja sanjam travu, oblake,
smijeh dalek je, a sjene blizu,
i stare boli duboke.

Pariz, lipanj 1909.

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок.»
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
и амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звёздам в чёрной башне,
Вести детей вперёд, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шёлк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

26 сентября 1909, Таруса

MOLITVA

Bože moj! Kriste! Učini čudo
U zoru, sada, u ovaj tren!
Daj mi da umrem dok je moj život
Ko knjiga preda mnom otvoren.

Mudar si, nećeš mi reći strogo:
»Nije još vrijeme, strpi se!«
Ti si mi dao svega i mnogo!
Ja hoću odmah – sve putove!

Sve hoću: moja ciganska duša
Želi se boriti uz pjesme poj,
Za svakog trpjet dok orgulje sluša,
Poput amazonke hrlit u boj;

Čitati što nam zvijezde sude,
Voditi djecu naprijed kroz mrak...
Da svaki dan prošli – legenda bude,
Da svaki dan bude – do ludila lak!

I križ, i svilu, i kacigu volim,
Slijed sekundi – dušu – ne smijem strt...
Uz djetinjstvo divno daj mi još, molim:
U sedamnaestoj godini – smrt!

Tarusa, 26. rujna 1909.

В РАЮ

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слёз не утаю...
Ни здесь, ни там – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснёмся мы в раю!

1909–1910

U RAJU

Uspomena ne presta me peći,
Zbog zemaljske ću i u raju plakati,
Pri susretu novom stare riječi
Neću skrivati.

Tamo gdje anđeli lete skladno, mirno,
Gdje su harfe, ljiljani i dječji poj,
Gdje mir vlada, tu ću ja nemirno
Loviti pogled tvoj.

Upućujući raj u osmijeh laki,
U krugu ću nevino-strogih djeva
Ko tuđinka sa zemlje zemaljski
Napjev pjevat!

Uspomena prejako me peče
I shvatit ću – suze neću kriti –
Da mi susret s tobom nikad neće
Ni u raj u ponovno se zbiti!

1909–1910.

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

1909–1910

Draga mi je takva igra
Gdje svi važni su i zli.
Da se orlova i tigra
Boje svi!

Da nam nadmeni glas zbori:
»Tu si mrtav, tamo rob!«
Da se noć tu sa mnom bori,
Noćna kob!

Ludo trčim – za mnom ralja.
Laso mi u rukama...
Da me lomi, ruši, valja
Uragan!

Sve bandite – u heroje!
Da okonča ratom sve!
Da je nas na svijetu dvoje:
Ja i svijet!

1909–1910.

СОВЕТ

«Если хочешь ты папе советом помочь»,
Шепчет папа любимице-дочке,
«Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блёстки.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы в глазах
Не дрожали печальные слёзки?

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же скорей!»
– «Я скажу: расцелуй её в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?»

без даты <1910>

SAVJET

»Ako hoćeš tati savjetom pomoći« –
Šapće tata svojoj mezimici –
»Onda će u tijeku cijele noći
Oko tebe letjet anđelčići...

Krila su im raznobojna, sjajna,
Zveckaju srebrnim ukrasima.
Što da radim pa da našoj mami
Ne dršću tužne suze u očima?

Čut ćeš lepet krila, šum u noći,
Sve boje prebrojit nećeš moći...
Kako da pomognem mami? Kako?«
»Evo kako: izljubi joj oči!

A sad bježi! Još ugasi svijeću
I uredno čarapice složi!
Trči! Brzo! Ljubi je što jače!
A hoće li, tata, anđelčići doći?«

nedatirano <1910.>

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади,
О, лишь люби, люби его нежнее
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор –
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестёр.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костёр!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи,
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби:
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Люби без мер и до конца люби!

без даты <1910>

SLJEDEĆOJ

Bilo da si sveta ili najgrešnija,
Da život još ne znaš, il' predobro znaš,
O, voli dragog, voli najnježnije,
Kao kad dijete k srcu privijaš.
Znaš da san je od draganja nužniji
Ni zagrljajem ga u snu ne ometaš.

Budi s njim uvijek: vjernosti te uče
Njegova tuga i pogled mu blag,
Budi s njim uvijek: ako ga sumnje muče,
Sestrinski će mu dodir biti drag.
No ako ti se bezgrešni sni smuče,
Veliki oganj tad zapalit znaj!

Ne razmijeni ni s kim riječi ni pozdrava,
Utišaj u sebi za prošlošću žal.
Budi mu ono što ja bit nisam znala,
Neka mu snove ne tjera tvoj strah!
Budi mu ono što ja bit nisam znala:
Voli bez mjere, voli do kraja!

nedatirano <1910.>

ЕЩЁ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звёздный венеч.
Дай понять мне, Христос, что не всё только тени
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мёртвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажжённые верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Осень 1910, Москва

JOŠ JEDNA MOLITVA

I opet pred Tobom padam na koljena,
dok gledam Tvog vijenca zvjezdani sjaj.
Daj, Kriste, da shvatim tko nije tek sjena,
da ne grlim sjenu, to mi daj.

Ti predugi dani izmučiše mene,
bez briga, bez cilja, a magla svud.
Voljeti ih mogu, al' zar poput sjene
svih osamnaest ljeta živim tu?

Pjevaju i pišu – sreća sve pokreće!
Da mi je procvasti duha radosnog!
Ali zar bez patnje može biti sreće?
I zar osim mrtvih nikog nemam svog?

Zašto vječno goreć drugačijom vjerom
kriti se od svijeta usred pustinje?
Ne, ne trebam osmijeh što se plaća mjerom
oskvrnuća jedne više svetinje.

Za blaženstvo cijenu poniženja ne dam.
Ne treba mi ljubav! Ne čeznem za njom.
Spasitelju, daj da dušu svoju predam
dragih sjena carstvu nečujnom.

Moskva, jesen 1910.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

– «У вас в душе приливы и отливы!»
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесёт грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?
Весёлый день, а завтра ночь грустна...
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
Сказать «враги» двум белым парусам?
Ведь знали вы... Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

без даты <1910>

PROROČANSTVO

– »U duši su vam oseke i plime!«
To rekao si, mudar i dosjetljiv!
Zar možeš ti, na vrijeme neosjetljiv,
za jedan sretni tren osuditi me?

Što nosi već minuta koja slijedi?
Čija je slika u snu sve do jutra?
Veseo dan, a tužna noć već sutra...
Zar suditi za nešto? Što to vrijedi?

O, kako možeš! O, kako ste ime
»bjesovi« bijelim jedrima vi dali?
Pa shvatio si sam... I vi ste znali:
U duši su mi oseke i plime!

nedatirano <1910.>